

Алиса Ливанова

ПРЯДИЛЬЩИЦА
туманов

Алиса Ливанова

Прядильщица туманов

«Автор»

2026

Ливанова А.

Прядильщица туманов / А. Ливанова — «Автор», 2026

XVII век. В Красном Бору земля исходит черной сушью, а из тумана Нави приходят те, у кого нет имен. Марица — травница, чьи руки пахнут полынью и древней магией, которую в столице кличут ересью. Ратибор — опальный воевода с проклятой меткой на плече, привыкший доверять лишь стали и молитве. Когда судьба запирает их в тереме на краю бездны, им приходится выбирать: сгореть в пламени взаимного недоверия или признать, что их нежданная, грешная страсть — единственный свет, способный отогнать тьму, уже положившую костлявую руку на порог. В этой истории сталь сталкивается с заговором, а любовь становится опаснее самого черного колдовства.

© Ливанова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горечь невыпитой росы	5
Глава 2. Холодный прием в Красном Долу	8
Глава 3. Знак на левом плече	11
Глава 4. Морок за стеной	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алиса Ливанова

Прядильщица туманов

Глава 1. Горечь невыпитой росы

Предрасветный туман стлался по берегам Светыни густым, парным молоком, скрывая в своих космах и старую иву, склонившуюся к воде, и острые верхушки ельника на той стороне. В это время, когда солнце ещё не успело позолотить маковки деревянной церкви, мир казался зыбким, словно не до конца сотворенным. Тайга вокруг замерла, придавленная тяжелым, душным маревом, которое не рассеивалось даже к ночи.

Марица зябко поправила шерстяной платок, заколдованный ещё бабкой от лесного холода, и покрепче перехватила корзину. Её пальцы, озябшие от сырого утреннего тумана и въедливой весенней прохлады, привычно скользили по стеблям. Кожа на подушечках пальцев потемнела от постоянной работы с сырой землей и цепкими кореньями, но прикосновение оставалось бережным. На её ладонях, огрубевших от вечных лесных сборов, были лишь обычные царапины от жесткой осоки — никаких меток или знаков судьба ей еще не выжгла.

Марица угадывала искру жизни там, где почва, ссохшаяся от долгой жажды, уже почти сдалась. В этом году весна в Красном Бору была странной, пугающей. Вместо звонких ручьев — потрескавшаяся, растрескавшаяся в палец толщиной земля; вместо сочной первой травы — ломкая серая ветошь. Великая сушь выпивала из тайги все соки. Даже роса, которую Марица пыталась собрать в ладони, отдавала горечью полыни, хотя полынь в это время года ещё спать должна. Она видела, как тяжело веши: колодцы на площади обмелели, бабы шептались со слезами, глядя на пустые ведра.

— Помоги, Мать-Сыра Земля, — прошептала девица, опускаясь на колени перед крошечным бледно-голубым цветком. — Не ради себя прошу, ради деревни. Совсем колодцы обмелели, скотина мычит над пустой лоханкой... (р. 1)

Она достала костяной нож, вырезанный из лосиного рога. Сталь траву пугала, закрывала в ней заветные жизненные соки, не то что кость — дело природное, лесное. Марица аккуратно срезала стебель «лунницы», и в застоявшемся воздухе разлился тонкий, едва уловимый аромат меда и грозы. Это был добрый знак, даривший слабую надежду, но тишину тут же бесцеремонно разорвал чужеродный, пугающий звук.

Тяжелый конский топот, лязг железных удил и приглушенная ругань. Марица замерла, вжавшись в сухие кусты можжевельника и затаив дыхание. В их Красный Дол чужаки забредали редко, а уж в такой ранний час — и подавно. Деревня спала за закрытыми ставнями, объятая страхом перед надвигающимся мором скотины, о котором предупреждала бабка Ненила.

На тропу, ломя молодые иссохшие ветви берез, выехал всадник. Конь под ним был под стать хозяину — огромный, масти воронового крыла, с белой пеной на железных удилах. Сам всадник выделялся среди блеклого лесного пейзажа, как темное, зловещее пятно на чистом холсте. На нем был тяжелый кафтан из дубленой кожи, отороченный мехом выдры, из-под которого виднелась кольчуга — дорогая, мелкого боярского плетения, какая бывает только у княжеских дружинников в Столице. На поясе в богато украшенных ножнах покоился широкий меч, а за спиной развевался побитый дорожной пылью плащ.

Лицо мужчины, освещенное первыми холодными лучами солнца, казалось высеченным из серого гранита. Резкие скулы, прямой нос и старый шрам, косо уходящий от виска в густую щетину, придавали ему вид человека, который привык отдавать жестокие приказы, не терпящие возражений.

Ратибор — опальный воевода, сосланный своим могущественным родственником Волковым в это забытое богами пограничье — резко натянул кожаные поводья. Его кости ломило от долгой дороги, а разум всё еще возвращался к Столице, к сырým кремлевским подвалам, где Волков с хитрой улыбкой зачитывал указ об опале за «излишнее милосердие» под Смоленском. Но чутье воина, отточенное в десятках стычек с литовцами и степняками, мгновенно кричало о чужом присутствии здесь, у Светыни. Его серые глаза, холодные, как мартовский лед, впились в густые заросли можжевельника.

— Выходи, отродье Лешего! — голос его пророкотал над притихшим лесом, спугнув стаю ворон с вековых сосен. — Или мне самому тебя из канавы вытряхнуть? Клянусь, если это соглядатай колдунов, живым не уйдешь! (р. 1)

Марица поняла: прятаться в сухих кустах бессмысленно. Она медленно выпрямилась, стряхивая с подола льняной рубахи приставшую хвою и сухие листья. Девушка была высокой, стройной, с густой косой цвета спелой ржи, которая сейчас растрепалась и змеилась по плечу. Несмотря на простую одежду и босые ноги, держалась она с тем спокойным достоинством, которое дает знание внутренней силы.

— Не кричи, воевода, — спокойно ответила она, хотя в груди сердце колотилось, как пойманная в силки птица. — Здесь не площадь торговая в стольном граде, здесь лес. Он шумных да гордых не жалует, может и тропку назад спутать.

Ратибор на мгновение опешил, перехватывая поводья. Вместо лесного духа, татя или литовского лазутчика перед ним стояла обычная деревенская девка. Но взгляд её... В больших зеленых глазах, казалось, плескалась мудрость глубоких омутов. Она не кланялась в пояс, не прятала лица, как делали все крестьянки при виде вооруженного отряда.

— Ты кто такая? — Ратибор чуть ослабил хватку на тяжелой рукояти меча, но коня не развернул. — Что делаешь в лесу до зари, когда по округе слухи о нечисти ходят, а в каждой тени вражий лазутчик мерещится? (р. 2)

— Я — Марица, внучка местной знахарки, — она сделала шаг вперед, крепче сжимая ивовую корзину. — И в лесу я у себя дома. А вот ты, господин, здесь гость. И, судя по твоему суровому лицу, гость недобрый. Зачем приехал в наши края? Неужто мало крови на границах, что решил в мирных деревнях удачу попытать?

Ратибор усмехнулся, и от этой улыбки по спине Марицы пробежал неприятный холодок. Он спрыгнул с коня — легко, несмотря на тяжелое снаряжение и кольчугу. Сухая земля под его тяжелыми сапогами жалобно застонала.

— Мирных, говоришь? — он подошел почти вплотную, так что Марица почувствовала запах пота, старой кожи и чего-то еще... едва уловимого запаха гари, который, казалось, преследовал этого человека. — В этой вашей «мирной» глуши земля сохнет под дождем, а скот дохнет без видимых ран. Я прислан сюда князьей волей, чтобы порядок навести и выжечь заразу, будь она от людей или от нежити.

Он протянул руку и бесцеремонно заглянул в её корзину, разворошив собранные травы.

— Лунница? — его брови удивленно поползли вверх. — Трава ведьм и ведунов. За такие сборы в столице на костер могут отправить, девушка.

Марица не отвела взгляда. — В столице, может, и жгут тех, кто жизнь спасает. А у нас лунницей лихорадку лечат, которую твои же воины в обозе и привезут. Так что либо иди своей дорогой, воевода, либо помоги корзину до деревни донести, коль уж ты здесь за «порядком» следить прибыл.

Ратибор замер, пораженный её дерзостью. Он видел страх в её глазах, но видел и нечто большее — сталь, которой не место в крестьянской девке. Его рука невольно коснулась груди, там, где под кольчугой жгла кожу старая магическая метка. Волковское клеймо внезапно запульсировало, наливаясь ледяной, режущей болью, яростно отзываясь на самую близость девушки. Ратибор стиснул зубы, сдерживая хрип.

— Ладно, внучка местной знахарки, — произнес он тише, преодолевая приступ боли, и в его голосе проскользнуло странное уважение. — Веди в свою деревню. Посмотрим, чем твое зелье поможет против того, что идет на нас из тумана.

Глава 2. Холодный прием в Красном Доле

Дорога к деревне тянулась через горельник — старое пожарище, где обглоданные огнем скелеты сосен тыкали в белесое, подернутое сухим зноем небо костлявыми пальцами. Под копытами Бурана хрустела черная, спекшаяся зола, смешанная со ржавой хвоей. Ратибор шел в поводу, крепче удерживая за узду вороного жеребца. Конь нервничал, дико прятал ушами и то и дело косился на Марицу, словно чуял в ней не простую деревенскую девку, а лесного зверя, обернувшегося человеком.

— Чего зверь твой пугается? — не оборачиваясь, спросила Марица. Её лапты мягко шуршали по сухой, звенящей хвое, а тяжелый подол холщовой юбки, расшитый по низу крупными красными петухами — древними оберегами от сглаза и полуночной жути — то и дело задевал сухие коряги. Она шла ровно, придерживая корзину с лунницей, и в каждом её движении угадывалась привычка к долгой лесной ходьбе.

— Кони правду чувствуют раньше людей, — хмуро отозвался воевода. Он то и дело поправлял ремень тяжелого меча, рукоять которого липла к ладони от пота. — Мой Буран на своем веку и татарских стрел навиделся, и воя вурдалаков на пограничных заставах. Но здесь воздух... он как стоячая вода в заброшенном болоте. Гнилью пахнет, сухим тленом, хоть на вид всё чисто.

Марица промолчала, лишь крепче сжала пальцами ивовую ручку корзины. Она и сама слишком хорошо чувствовала: земля под ногами не дышит. Обычно в эту пору весенний лес гудит от подземных соков, копошится проснувшимися муравьями, поет на тысячи птичьих голосов. А сейчас вокруг стояла тишина — тяжелая, густая, такая, что от напряжения звенело в ушах. Да давило само небо, выцветшее от долгой жажды.

Когда в низине показались первые избы Красного Дола, солнце уже окончательно выбилось из-за верхушек ельника, но свет его был тусклым, мутным, словно просеянным через грязное сито. Деревня встретила путников не привычным лаем собак, не криками петухов или мычанием стада, а тяжелым, липким и недобрим ожиданием.

Избы здесь были справные, богатые, срубленные из векового кедра и лиственницы, потемневшие от времени и дождей до цвета старого, засаленного меда. На резных причелинах красовались солярные знаки — круги со сложными переплетениями лучей, призванные отгонять от жилья полуночную нечисть. Но поверх этих древних знаков над дверями многих домов уже висели свежие, наспех связанные пучки горького чертополоха, а на дубовых притолоках были глубоко вырезаны свежие кресты. Старая вера и новая молитва здесь жили бок о бок, переплетаясь в суеверном страхе, но обе они были не в силах одолеть общую беду.

— Эй, православные! — зычно крикнул Ратибор, приостанавливая Бурана посреди выгона. Голос его, привыкший перекрывать гул сечи, эхом отразился от бревенчатых стен пятистенков. — Где ваш староста? Княжий воевода прибыл, по велению государеву и с мечом в руке!

Из ближайшего двора, откуда тянуло застоявшейся прелой соломой и кислым овечьим тестом, медленно вышел старик. На нем была поношенная, выцветшая ферязь из серого сукна, а окладистая седая борода, пожелтевшая у рта от табачного дыма, доходила до самого пояса. За его спиной, тихо похлопывая дверями сеней, начали робко показываться другие жители вези: бабы в темных, низко повязанных платках, угрюмые мужики с тяжелыми плотницкими топорами за поясами. В их глазах не было ни радости, ни почтения к княжескому слуге — только глухая, затаенная злоба и удушающий страх.

— Нету у нас старосты, воевода, — глухо проговорил старик, обеими руками опираясь на узловатую деревянную клюку. — Позавчера только схоронили Афанасий-то нашего. Ушел в лес за дровами, да так и нашли его у ручья... сухим, будто из него всю кровь до единой капли выбили.

Ратибор нахмурился, его широкая ладонь произвольно легла на навершие широкого меча. — Кто сделал? Тати? Разбойники литовские?

— Кабы люди, — вмешалась из толпы дородная баба, суеверно трижды перекрестившись на маковку церкви. — На шее-то у него две дырочки аккуратные, а вокруг на сыром песке — следы птичьих, огромные, каких ни одна цапля не оставит. Это Навь к нам пришла, господин. Грехи наши мирские тяжелы, вот и сохнет земля который месяц, и нечисть в избы по ночам ломится. А ты с железом пришел... Железом эту беду не отгонишь.

— Замолчи, Ульяна! — звонко прикрикнула на неё Марица, решительно выходя вперед и заслоня собой корзину с лунницей. — Воевода с миром пришел, по закону.

Мужики в толпе недобро зашептались, переглядываясь. Из-за спин старейшин выдвинулся молодой парень с лихорадочным, нездоровым блеском в глубоко запавших глазах. Это был Степан, сын местного кузнеца, который давно тайно заглядывался на Марицу, но сейчас в его взгляде горела лишь дикая, замешанная на панике ненависть.

— С миром? — выплюнул Степан под ноги Бурану грязную слюну. — Смотрите, люди православные! Она опять с ведьминой травой из оврага тащится! Сама с лучшим знает, колодцы заговорила, а теперь еще и чужака вооруженного привела, чтобы он нас в цепи заковал, пока она порчу на всю весь наводит!

Толпа вокруг них глухо, утробно зарычала. Страх перед неминуемым голодом и близким мором мгновенно превращал вчерашних добрых соседей в безжалостных судей. Кто-то у плетня уже нагнулся, поднимая из серой пыли тяжелый граненый камень.

Ратибор изменился в одно мгновение. Исчез усталый, изможденный дорогой путник — перед толпой встал грозный, привыкший к казненным казням воин. Он сделал стремительный шаг вперед, полностью закрывая Марицу своей мощной спиной. Его фигура в мелкой боярской кольчуге загородила девушку от разъяренных мужиков, как глухая каменная стена.

— Слушайте меня, смерды! — его голос ударил над выгоном, как хлыст, заставив мужиков присесть. — Я Ратибор из рода Волчьих, и слово моё здесь — закон. Если кто хоть пальцем тронет эту девку или косо в её сторону посмотрит, будет иметь дело с моим клинком. Я прислан сюда не судить вас, а спасти от суши. Но если увижу бунт или самовольство — виселицы на окраине вашего Бора вырастут быстрее, чем вы молитву вспомните!

Он с сухим, хищным звоном вытащил тяжелый меч из ножен на ладонь. Сталь зловеще блеснула, отражая серые, душные небеса. Толпа испуганно отшатнулась назад, мужики опустили колья. Степан мгновенно побледнел и поспешно спрятал свои огромные руки за спину.

— Внучка, — позвал старик-большак, который первым заговорил с воеводой. Он робко зыркнул на обнаженный меч Ратибора и указал клюкой на вершину холма. — Веди гостя в пустующий терем на холме. Тот самый, что дед Гордей еще до большой суши строился. Там стены толстые, листовничные, мохом проконопаченные. Может, и духи старого хозяина его не тронут. Но помни, воевода: у нас тут свои законы, землей данные. Ночью за порог терема не выходи, если жить хочешь. Навь чужих не жалует.

Марица сделала шаг ближе к Ратибору. Она отчетливо чувствовала, как под кожаным кафтаном, отороченным мехом выдры, тяжело и крупно дрожит его спина. Воевода не боялся этих испуганных мужиков с топорами, но она видела, с каким затаенным, суеверным подозрением он косится на темную стену тайги, которая подступала к самым деревенским огородам.

— Идем, — тихо сказала она, осторожно коснувшись пальцами его жесткого кожаного локтя. — Тебе нужно поесть, да и раны осмотреть надобно. Я видела еще на тропе, как ты за грудь держишься.

Ратибор медленно обернулся к ней. Его лицо, высеченное из гранита, было смертельно бледным, а зрачки расширились так сильно, что почти полностью скрыли холодную серую радужку.

— Не рана это, Марица, — прохрипел он, наклонившись к её уху так, чтобы слова не долетели до притихших мужиков. — Метка на груди жжет. Словно под кольчугой живые, раскаленные угли ворочаются. Твоя деревня... она не просто сохнет. Она стоит на самом краю бездны, и бездна эта уже тянет лапы.

Глава 3. Знак на левом плече

Путь к терему деда Гордея казался бесконечным. Ратибор шел впереди, ведя Бурана под уздцы, а Марица следовала чуть поодаль. У околицы она остановилась возле своей избы — приземистого, вросшего в землю сруба, над крышей которого вился сизый дымок.

— Подожди, воевода! — окликнула она его. — С лунницей одной я твою хворобу не уйму. В тереме шаром покати, ни соли, ни воска. Ступай на холм, обживайся, а я за притирками сбегая да снеди какой соберу. Негоже гостю на пустой лавке сидеть.

Ратибор лишь хмуро кивнул, не оборачиваясь. Его плечо дергало так, что перед глазами плыли красные пятна, и спорить сил не оставалось.

Марица вернулась к терему, когда тени от леса уже начали вытягиваться в длинные черные пальцы. В руках она несла тяжелый узел: хлеб, завернутый в холстину, горшок с кашей, связку восковых свечей и заветную суму с травяными сборами, которую берегла пуще глаза.

Внутри терема пахло залежалой пылью и старой лиственницей. Ратибор уже успел скинуть переметные сумы на пол. Он сидел на дубовой лавке, тяжело дыша, и даже не зажег лучину. В сумерках его фигура казалась массивным изваянием из черного камня.

— Принесла? — голос его прозвучал хрипло, надтреснуто.

— Принесла, — Марица решительно прошла к столу, выкладывая свои припасы. — Нука, не томи, воевода. Скидывай кафтан. Я еще в лесу заметила, как ты руку к сердцу прижимаешь. Это не от сабли след, так железо не болит.

— Ты, девка, больно смела. Знаешь ли, что за такие слова в палатах боярских плетью потчуют? Ратибор вскинул голову. В его взгляде промелькнула искра привычного высокомерия, смешанная с мужским интересом.

— Здесь не палаты, — Марица подошла ближе, и запах полыни, исходивший от её одежды, окутал его. — И я не холопка твоя. Если хочешь дожить до зари и не метаться в горячке, раздевайся.

Воевода сжал челюсти так, что желваки заходили ходуном. Медленно, преодолевая явную боль, он начал расстегивать серебряные пуговицы кафтана, затем стащил через голову кольчугу. Под ней оказалась пропотевшая льняная рубаха, которую он тоже сбросил, оставшись нагим по пояс.

Марица невольно замерла, сжимая в руках баночку с мазью. Его тело было картой бесконечных войн: шрам от стрелы под ребром, след от бердыша на боку... Но на левом плече горело нечто иное.

Это не был шрам. Прямо в кожу была вживлена метка — черная, пульсирующая сеть тонких линий, напоминающая переплетенные корни мертвого дерева. От неё во все стороны расходились багровые нити воспаленных сосудов. Казалось, кожа вокруг метки обуглена невидимым огнем.

— Господи... — прошептала Марица, невольно потянувшись рукой, но тут же отдернула пальцы. — Это же проклятие Навье. Как ты с этим живешь?

— Молитвой да волей, — выдохнул Ратибор, закрывая глаза. — В столице патриарх сказал — это испытание веры. Мол, бесы метят тех, кто им страшен. А колдуны на площади кричали, что я сам с ними знаюсь. Вот и сослали в ваше захолустье, чтобы глаза не мозолил.

Марица коснулась его плеча. Кожа была горячей, как печной изразец. Ратибор вздрогнул, его мышцы под её ладонью перекатились тугими жгутами. Это прикосновение было странным: он привык к боли, привык к холодному металлу, но тепло женских рук, пахнувших живой травой, заставило его сердце сбиться с ритма.

— Твой патриарх в золоте ходит, а земли под ногами не слышит, — горько сказала она, начиная осторожно втирать мазь из живицы и зверобоя в воспаленную плоть. — Это не бесы,

Ратибор. Это земля стонет через тебя. Ты — как громоотвод. Вся чернота, что в округе бродит, к твоей метке тянется.

— Ересь говоришь, — прохрипел он, но не отстранился. Напротив, он бессознательно подался навстречу её рукам. Боль под её пальцами начала тупеть, сменяясь странным, томительным жаром.

Он открыл глаза и посмотрел на неё снизу вверх. Марица стояла совсем близко, её дыхание щекотало его щеку. В полумраке терема её губы казались яркими, а в глазах отражалось пламя зажженной ею свечи.

— Ты не боишься меня, Марица? Люди говорят, я проклят. Что я приношу смерть.

Он перехватил её руку, остановив ладонь прямо над своим бьющимся сердцем.

— Смерть приносит тот, кто её ищет, — ответила она, не отводя взгляда. — А ты жизнь защищаешь, хоть и сам того боишься признать.

Она не вырвала руку. Её тонкие пальцы коснулись жестких волос на его груди, растирая мазь в потемневшие веревочки, разросшиеся от метки даже сюда. Ратибор почувствовал, как внутри него что-то надломилось. Его вера была щитом, его меч — законом, но эта девушка была самой жизнью.

Внезапно снизу, из деревни, донесся протяжный, жуткий вой. Это не был волк. Звук был слишком высоким, дребезжащим. В ту же секунду свеча на столе мигнула и погасла.

— Началось... — прошептал он, нащупывая во тьме рукоять меча. Метка на плече Ратибора вспыхнула мертвенно-синим светом. Он вскрикнул, сгибаясь от боли.

— Не хватайся за сталь! Слушай меня, воевода: сейчас они будут звать тебя. Не отвечай. Кто бы ни пришел к дверям — молчи. Иначе метка выпьет тебя досуха.

Марица быстро прижала ладонь к его лбу. Она быстро достала из сумки мешочек с солью и начала сыпать её полосой по порогу, шепча древние слова защиты.

Глава 4. Морок за стеной

Тьма в тереме деда Гордея стала плотной, почти осязаемой. Единственная свеча, которую Марица затеплила на дубовом столе, горела неровно, выбрасывая в воздух тонкие струйки сизого дыма. Снаружи выло так, будто сотни голодных глоток одновременно вгрызались в бревна стен. Но страшнее воя была тишина, наступавшая в промежутках — в этой тишине слышались шаги. Тяжелые, размеренные, они обходили терем кругом, сминая сухую траву под самыми окнами.

— Не слушай, — прошептала Марица, опускаясь на колени рядом с ним.

Они сидели на полу внутри круга, очерченного смесью соли, истолченной кости и сухой полыни. Воздух внутри этого малого пространства казался чище, но за пределами невидимой черты тени удлинялись, принимая уродливые, текучие формы.

Ратибор сидел, обхватив колени руками. Его плечо, где под кожей пульсировала черная метка, дергалось в такт невидимым ударам. Пот градом катился по его лицу, затекая в глаза, но он не вытирал его — он замороженно смотрел на дверь, по которой кто-то снаружи осторожно скреб когтями.

— Ратибор... — вдруг донеслось из-за дубовых досок. Голос был тихим, женским, полным невыносимой тоски. — Сынок, открой. Холодно мне здесь, в сырой земле. Ветер кости сушит... Пусти погреться, кровинушка.

— Матушка? — хрипло выдохнул он, подаваясь грудью вперед, к самой черте круга. Воевода вздрогнул, его зрачки расширились, отражая гаснущее пламя свечи.

— Назад! — Марица железной хваткой вцепилась в его предплечье. — Не она это. Это — морок, шелуха навья. Она крадет голоса тех, кого ты любил, чтобы ты сам отодвинул засов. Смерть в дом позовешь!

— Трус! — гремело за стеной, и от этого звука задрожали оловянные плоски на полках. — Спрятался за бабью юбку? Выходи, встреть судьбу как воин. Или ты забыл, как клялся на кресте?

Снаружи голос изменился. Теперь это был мужской бас, суровый и властный — так звучал голос его отца, павшего в сече под Смоленском.

— Я должен выйти... Я не трус! — он попытался встать, но ноги не слушались его, подкашиваясь от могильного холода, который начал сочиться сквозь щели в полу.

Ратибор зарычал, его рука рванулась к мечу. Тяжелая сталь звякнула о камень пола, высекая искру.

Метка на его плече вспыхнула ядовитым синим светом. Ратибор охнул и повалился на бок, хватаясь за грудь. Лихорадка накрыла его мгновенно: зубы застучали, а кожа стала бледной, как свечной воск. Холод Нави выпивал из него жизнь, превращая кровь в лед.

Марица увидела, как его пальцы начали синеть. Она знала этот холод — против него бессильны дрова в печи и шерстяные одеяла. Только живое тепло могло удержать душу в теле, когда Навь тянет свои нити.

— Держись за меня, — выдохнула она.

Она набросила на него тяжелый, подбитый мехом воеводский плащ и сама нырнула под него. Прижалась к его спине, обхватила руками, стараясь согреть своим дыханием замерзающую шею. Ратибор поначалу дернулся, пытаясь отстраниться — гордость воина еще боролась в нем с немощью, — но новый приступ боли заставил его обмякнуть. Он бессознательно припал к ней, ища спасения от ледяной бездны, что разверзлась прямо посреди горницы.

Они лежали на жестких досках, тесно прижатые друг к другу внутри соляного кольца. Марица чувствовала, как мелко дрожат его лопатки, как тяжело и редко бьется его сердце. Она

закрыла глаза и начала шептать — не молитву, не заговор, а просто слова о жизни: о жарком летнем полдне, о запахе свежего хлеба, о солнце, которое обязательно взойдет.

Снаружи морок зашелся в яростном визге. Дверь содрогнулась от мощного удара, засов жалобно хрустнул, но полоса соли на пороге держалась крепко.

Постепенно дрожь Ратибора утихла. Жар человеческого тела, мерное дыхание Марицы у его затылка и её руки, крепко сцепленные на его груди, создали иную преграду — ту, которую нечисть не могла преодолеть. Холод отступил к углам терема. В этой вынужденной, пугающей близости воевода впервые за долгие годы почувствовал себя не защитником, а защищаемым. Запах полыни, исходящий от волос девушки, заполнил его легкие, вытесняя запах гари и тлена.

Марица не спала долго. Она слушала, как выравнивается его дыхание, как уходит смертное напряжение из его мышц. Она знала, что поутру им обоим будет неловко, что этот час свяжет их крепче любого обещания. Но сейчас, в предрассветный час, когда за стенами пировала смерть, у них не было ничего, кроме этого тепла на двоих.

Сон сморил её уже перед самой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.